

О МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ СФРАГИСТИЧЕСКОГО
МАТЕРИАЛА XV—XVIII вв.

(Историографические заметки)

Советские ученые внесли большой вклад в развитие науки о печатях — сфрагистики. Можно сказать, что изучение печатей превратилось в науку лишь в советское время, ибо А. В. Орешников,¹ Н. П. Лихачев² в начале нашего века писали, что русской сфрагистики как науки не существует, а известный западноевропейский исследователь печатей В. Эвальд³ в 1914 г. за основной сфрагистический труд в России принимал «Снимки древних русских печатей».⁴ Ныне сфрагистика признана дисциплиной, способной оказать действенную помощь истории в области изучения главным образом древних государственных институтов. Сфрагистический материал в виде вислых древнерусских металлических печатей, обнаруженных преимущественно при раскопках, был тщательно обработан, исследован, на его основе были сделаны широкие исторические выводы.

Успехи советской археологии и исключительные результаты, достигнутые в изучении металлических древнерусских печатей, невольно отодвинули на второй план исследование сфрагистического материала иного характера, как правило, хронологически более позднего, — «вощаных печатей», вернее, оттисков, сделанных на воске, мастике, сургуче.⁵

Существует еще одна причина, в результате которой печати — восковые оттиски до сих пор не привлекали специального внимания исследователей: традиционное отношение к ним только как к элементу дипломатической критики. Печать — восковой оттиск, приложенный или привешенный к документу, большинством историков воспринимается как удостоверение происхождения документа, его подлинности, соответственно и используется для

¹ Орешников А. В. Материалы к русской сфрагистике. — Труды Московск. нумизмат. об-ва, 1903, т. III, вып. 1, с. 3.

² Лихачев Н. П. Лекции по дипломатике, читанные в 1896—1897 гг. в Санкт-Петербургском археологическом институте. СПб., 1897, с. 17.

³ Ewald W. Siegelkunde. München—Berlin, 1914, S. 9.

⁴ Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц, вып. I. М., 1880.

⁵ Восковые печати представляют собой по времени следующий этап развития русской сфрагистики после металлических печатей, однако полностью не исключают существования последних (речь идет прежде всего о хрисовулах, сопровождавших важнейшие международные документы). Подобное разделение печатей по материалу является чисто внешним. Наиболее существенный момент — качественно новый этап развития печатей, связанных с образованием Русского централизованного государства, который нашел выражение как в дальнейшем развитии функций печати, так и в изменении их внешнего вида.

критики письменного источника. В результате сфрагистика предстает перед исследователем скорее как вспомогательная дисциплина дипломатики, вспомогательной же дисциплиной истории она является в этом случае не непосредственно, а опосредованно — через дипломатику.

Против подобного понимания содержания сфрагистики еще в 1899 г. выступил Н. П. Лихачев. Рассматривая печати как материал для историко-дипломатического знания, он писал: «Печати являются не только памятниками дипломатическими (скрепа документа), но и чисто историческими (выразители политических тенденций, общественных веяний и взглядов — в изображениях, форме, величине, материале) и памятниками истории искусства так же, как и ценными документами в области истории быта (изображения зданий, одежд, разных предметов утвари и оружия)».⁶ Таким образом, Н. П. Лихачев, не отрицая значения печати для дипломатической критики, выдвигал на первое место понятие печати как самостоятельного исторического источника.

С удовлетворением можно констатировать, что мысли Н. П. Лихачева в последнее время находят подтверждение в работах советских историков.⁷

Печати — восковые оттиски XV—XVIII вв., о которых пойдет речь далее, предстают перед исследователями и читателями как полноценный исторический источник, на наш взгляд, прежде всего в результате правильной методики их обработки. Однако авторы статей не уделяют должного внимания описанию технической стороны работы с оттисками, чем вызывают у читателя сомнение в существовании определенных методических принципов изучения оттисков печатей и представление о том, что по отношению к вошаным оттискам должны применяться какие-то иные методические приемы, нежели к металлическим печатям.

По нашему мнению, утверждение сфрагистики в качестве научной дисциплины предполагает и наличие общих методических принципов изучения печатей, не зависящих от того, из

⁶ Лихачев Н. П. Из лекций по сфрагистике. СПб., 1905—1906, с. 14.

⁷ Речь идет не только о работах, посвященных металлическим печатям, среди которых в первую очередь следует назвать фундаментальный труд В. Л. Янина «Актовые печати Древней Руси X—XV вв.» (т. I—II. М., 1975), но и о немногочисленных пока статьях, в которых исследуются печати — восковые, воско-мастичные, сургучные оттиски. См.: Овчинников Р. В. Обзор печатей на документах Е. И. Пугачева, его Военной коллегии и атаманов. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961; Демидова Н. Ф. 1) Русские городские печати XVIII в. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966; 2) Печати русских государственных учреждений XVII—XVIII вв. и некоторые вопросы их учета и изучения. — Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР, т. II. М., 1965; 3) Русские таможенные печати XVII—XVIII вв. — В кн.: Аграрная история европейского Севера СССР. Вологда, 1970; Хорошкевич А. Л. Печати полоцких грамот XIV—XV вв. — Вспомогат. истор. дисциплины, IV. Л., 1972; Дракохруст Е. И. К истории войсковых печатей Левобережной Украины XVII—XVIII вв. — Нумизмат. сборник, ч. IV. М., 1972.

свинца или воска сделана печать, приложена она или привешена к документу. И эти общие принципы утвердились в советском сфрагистическом исследовании.

Цель настоящей статьи — проанализировать в данном аспекте ряд сфрагистических работ и поделиться возникшими в результате их анализа соображениями.

Основы научной сфрагистики наметил, как уже подчеркивалось, Н. П. Лихачев. Изучая в течение всей жизни вислые металлические печати, особенно в ранний период своей научной деятельности, он уделял внимание и восковым печатям — оттискам. В основном его интересовали государственные печати.⁸

Для нас одинаково важны работы Н. П. Лихачева, посвященные как металлическим, так и восковым печатям — оттискам, не только в силу общей постановки вопроса о роли сфрагистических памятников в историческом исследовании, но прежде всего своим методическим подходом к их изучению.

В конце прошлого века, выступая с критикой существующих в западноевропейской литературе различных систем и классификаций сфрагистического материала, Н. П. Лихачев писал, что в основе изучения печатей не могут лежать чисто внешние признаки — форма, рисунок, материал, способ прикрепления печатей. «Мы должны изучать материал (сфрагистический, — Н. С.) по государствам и их учреждениям или в хронологическом порядке, подмечая при этом явления преемства, влияния и взаимодействия. Факты сфрагистические должны быть поставлены в тесную зависимость от фактов дипломатических».⁹

В этом высказывании Н. П. Лихачева для нас важны следующие моменты:

а) на первое место при изучении печатей ставится их функциональный признак (иногда хронологический), но не материал, способ прикрепления, изображение и т. д.;

б) при исследовании сфрагистического материала предпочтение перед отдельными экземплярами отдается комплексу, определенной группе печатей, объединенных по функциональному (хронологическому) признаку;

в) при изучении комплекса печатей обращается внимание на анализ отдельных групп, подмечаются черты сходства и различия, общие черты у ранних и более поздних печатей и т. д. Впоследствии это положение было развито Н. П. Лихачевым в работе «Материалы для истории византийской и русской сфрагистики»;

г) изучение печатей не должно проводиться в отрыве от документа, к которому приложена или привешена печать.

⁸ Лихачев Н. П. 1) Дело о приезде в Москву Антония Поссевина. СПб., 1903; 2) Земская печать Московского государства в смутное время. М., 1914; 3) История образования российской государственной печати. — Биржевые ведомости, 15 мая 1915 г., № 14843.

⁹ Лихачев Н. П. Из лекций по сфрагистике, с. 22.

Взаимодействие сфрагистических и письменных источников ярко проявилось в исследованиях Н. П. Лихачева, посвященных печатям — восковым оттискам. Например, в кратком обзоре государственных печатей при попытке их классификации Н. П. Лихачев считает необходимым привести ряд выписок из документов XVI в., в которых в клаузуле, касающейся печати, подчеркивается ее название «большая»;¹⁰ наблюдения над редкими золотыми буллами русских государей, для которых, по мнению автора, каждый раз резались особые штемпели, сочетаются с выписками из различных документов конца XV—XVI в., где говорится о золотой печати; исследуя тип красновосковых печатей, существовавших при Иване IV (Н. П. Лихачев считает, что тип обычных вислых красновосковых печатей в это время распадается на два вида: 1) по старине — орел с одной стороны, «ездец» — с другой; 2) как нововведение — орел — с одной, единорог — с другой стороны), автор не забывает привести сообщение летописи, где под 1561 г. записано об изменении старой печати и «учинении» новой¹¹ и т. д.

При исследовании земской печати начала XVII в. Н. П. Лихачевым собраны и систематизированы не только оттиски этой печати на различных документах правительств Первого и Второго ополчений, проанализирована эмблема, исследована матрица печати, но изучены и сами документы, опечатанные ею; особенное внимание уделялось клаузулам в документах, исходящих от Земского правительства, в которых говорилось о печати, скрепляющей документ, в обязательном порядке привлекались письменные свидетельства о создании земской печати.

В результате автор сделал важные наблюдения по вопросу взаимодействия правительств Первого и Второго ополчений, их прав и полномочий, деятельности Земского правительства в целом.

Приступая к анализу собранных им за много лет вислых древнерусских печатей, Н. П. Лихачев неоднократно подчеркивал, что к моменту исследования накопилось достаточное количество материала. Таким образом, наиболее полное выявление материала — один из основных принципов сфрагистического исследования, по мнению Н. П. Лихачева.

Применительно к древнерусским буллам, преимущественно недатированным и неатрибутированным, Н. П. Лихачев предлагал следующий принцип изучения: «Чтобы попытаться определить их (буллы, — Н. С.) и вообще классифицировать весь сфрагистический материал разных периодов, необходимо предварительно разобраться в тех памятниках, что дошли до нас привешенными к документам и относительно которых мы знаем или можем определить, с чьей печатью имеем дело. По аналогии

¹⁰ Лихачев Н. П. Дело о приезде в Москву Антония Поссевина, с. 114.

¹¹ Там же, с. 121.

с точно известными княжескими печатями следует попытаться выявить прежде всего княжеские печати, найденные в земле, а по их хронологии определить и современные им типы печатей вообще».¹²

Таким образом, Н. П. Лихачев намечает опорные пункты конкретного сфрагистического исследования: а) неразрывная связь печати и документа; б) выделение определенных групп печатей (по надписи и изображению); в) сравнительный анализ недатированных и неатрибутированных печатей и печатей лиц, известных по письменным источникам; г) датировка и атрибуция отдельных групп печатей; д) атрибуция отдельных печатей.

Важно, по мнению Н. П. Лихачева, и сопоставление русских печатей с византийскими, палеографические и другие наблюдения, касающиеся изображения и надписи печати.¹³

В совокупности все эти моменты позволили Н. П. Лихачеву проследить главные пути развития основных типов древнерусских булл.

К сожалению, труд Н. П. Лихачева не был завершен. Отдельные исследователи считают, что его работы о древнерусских буллах имеют характер публикации материалов, в них не хватает обобщений, сфрагистические памятники не связаны с социально-экономическими отношениями.¹⁴ Некоторые его построения, касающиеся датировки и атрибуции как отдельных печатей, так и целых групп, в первую очередь из-за неполноты использованного материала подвергнуты в настоящее время критике. Но в целом достойной наградой Н. П. Лихачеву является дальнейшее развитие его мыслей, совершенствование методики исследования, применение выработанных им принципов в современном сфрагистическом исследовании.

Исследования металлических печатей, предпринятые Н. П. Лихачевым, как известно, были продолжены и получили успешное завершение в последние годы благодаря работам в этой области члена-корреспондента АН СССР В. Л. Янина. В его монографии, посвященной древнерусским печатям, четко определены методические приемы работы со сфрагистическим материалом.

Основные принципы, которыми руководствовался В. Л. Янин в работе с древнерусскими печатями, сформулированы им во введении к книге «Актовые печати Древней Руси X—XV вв.»: «По возможности исчерпывающий сбор материала и исчерпывающая его классификация, являющаяся непременным условием и хронологических определений, и атрибуции. Выборочное изучение памятников противоречит самому существу исследователь-

¹² Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I. Л., 1928, с. 10.

¹³ Там же, с. 59.

¹⁴ Крипякевич І. П. Стан і завдання української сфрагістики. — Український історичний журнал, 1959, № 1, с. 119.

ской методики, поскольку оставление за рамками исследования любого количества источников ведет к упрощенным выводам и неизбежным логическим искажениям».¹⁵

Далее В. Л. Янин показал, что он вкладывал в понятие «исчерпывающий сбор материала». Это прежде всего учет всех найденных булл и обобщение их в виде полного свода русских вислых печатей X—XV вв., известных к настоящему времени. Полнота сбора материала дополняется максимальной полнотой сведений о каждой печати: указаны размеры, место и время находки, место хранения, полная библиография каждого экземпляра. Этим свод существенно отличается от предшествующих публикаций Н. П. Лихачева, в которых нередко приводились лишь самые общие сведения о той или иной печати.

Характерной чертой работы В. Л. Янина над печатями является отказ от понятия «дублетный материал». В каталог, составленный им, не случайно внесены и дублетные экземпляры печатей, так как прочтение надписи на печати и восстановление штампа возможны зачастую лишь путем сопоставления нескольких экземпляров.

Наконец, в каталоге учтены нечитаемые обломки печатей и печати плохой сохранности, аналогии которым найдены в хорошо читаемом материале благодаря привлечению матриц печатей. Этому предшествовала трудоемкая работа по разыскиванию и сличению последних, однако она полностью себя оправдала, ибо выявила тождественные матрицы там, где прежние исследователи видели несходные буллы, позволила провести количественный анализ выявленных булл, восходящих к одной матрице, словом, способствовала выявлению и конкретизации материала, составляющего каталог.

На основании подобным образом осуществленного «исчерпывающего сбора материала» В. Л. Яниным была проведена научная классификация булл. Как уже отмечалось, основные принципы классификации печатей наметил еще Н. П. Лихачев. В работе В. Л. Янина эти принципы усовершенствованы и облечены в стройную систему,¹⁶ исключающую всякой неточности в атрибуции печатей. Весь материал исследователь по изображению и надписи разбивает на большие группы, затем выделяет из них комплексы с конкретными специфическими признаками, датируя и атрибутируя их, внутри каждого такого комплекса выделяют печати согласно их принадлежности определенному лицу.

Исчерпывающая классификация печатей, предпринятая В. Л. Яниным, не является самоцелью. Она произведена по группам и комплексам, которые соответствуют определенному госу-

¹⁵ Янин В. Л. Актовые печати... т. I, с. 5.

¹⁶ Каштанов С. М. Древнерусские печати (размышления по поводу книги В. Л. Янина). — История СССР, 1974, № 3, с. 177.

дарственному институту средневековой Руси, и отражает состав и эволюцию тех органов власти, которым на Руси принадлежало исключительное право удостоверения официальных документов. В то же время сама классификация — это полноценный исторический источник для изучения истории древних государственных институтов.

Атрибутирование и датировка отдельных экземпляров и комплексов печатей осуществлялись не только в результате сопоставления их между собой. В. Л. Янин привлек при определении печатей, как уже отмечалось, их матрицы, аналогичные по времени византийские печати, для сравнения использовались монеты, большая группа археологических памятников, произведения искусства и т. д. Широко использованы исследователем и письменные источники, в первую очередь летописи, также документы, при которых сохранились буллы, материалы эпиграфики. Летописные свидетельства, сопоставленные с данными анализа изображений и надписей различных групп булл, помогли принимать или отвергать ту или иную их хронологию и атрибуцию. Сопоставление текста грамоты, имени автора документа с изображением и надписью на печати в некоторых случаях помогли выявить неидентичность автора документа и владельца печати.

Такой глубокий и всесторонний источниковедческий синтез делает убедительными все основные выводы В. Л. Янина относительно истории государственных институтов древней Руси.

Методика сфрагистического исследования, получившая завершение в труде В. Л. Янина, по нашему мнению, может найти применение при изучении не только металлических печатей, но и огромной массы печатей более позднего времени — восковых и воско-мастичных, приложенных и привешенных к различного рода документам. В этом нас убеждают уже имеющиеся сфрагистические исследования, названные выше, анализ которых позволяет утверждать, что их авторы пользуются теми же приемами, о которых писал Н. П. Лихачев и которые разработал В. Л. Янин.

Тематика работ свидетельствует о выполнении основного принципа в подходе к изучению сфрагистического материала — печати исследуются по функциональному признаку: в поле зрения А. Л. Хорошкевич все печати Полоцка XIV—XV вв. независимо от способа приложения, Н. Ф. Демидова вряд ли бы изъяла из комплекса таможенных печатей те из них, которые оказались бы, например, разными по цвету, материалу и т. д.

Н. Ф. Демидова неоднократно подчеркивает в своих работах, что главное условие сфрагистического исследования — полное выявление материала, предполагающее изучение печатей в комплексе, а не отдельные их публикации.¹⁷

¹⁷ Демидова Н. Ф. 1) Печати русских государственных учреждений..., с. 122; 2) Русские таможенные печати..., с. 173.

Исследователи указывают, что оттиски не теряют связи со скрепленными ими документами, а отсюда вытекает необходимость «исследование оттисков печатей сопровождать анализом того самого документа, который скреплен этим оттиском».¹⁸

Существенным моментом, по мнению исследователей печатей — восковых оттисков, является изучение матриц печатей, так как оттиски передают изображение на матрицах не с абсолютной, а с относительной точностью. Н. Ф. Демидова, например, пишет: «В применении к таможенным печатям наиболее распространены утраты краев печати, на которых помещается надпись о принадлежности печати определенной таможне. Таким образом, неполная печать легко может быть принята за анонимную таможенную печать, т. е. отнесена к другому типу таможенных печатей».¹⁹

Отдельный раздел статьи посвящает исследованию матриц восковых печатей Е. И. Дракохруст. По ее мнению, оттиски печатей должны быть исследованы непременно в сочетании с матрицами, тогда только будет возможно «уточнить целый ряд датировок».

Следовательно, изучение матриц в значительной степени помогает избежать ошибок при определении оттисков.

Сопоставление всего комплекса оттисков друг с другом по иконографическому принципу во взаимодействии с другими компонентами — исследованием матриц, документов позволило ученым провести детальную классификацию печатей по их внутреннему содержанию в зависимости от целей исследования: А. Л. Хорошкевич разделяет печати Полоцка XIV—XV вв. «по принадлежности: княжеские, епископские, наместничьи, городские, боярские, мещанские, боярских слуг, слуг путных»; Е. И. Дракохруст — по времени их бытования, сопоставляя с правлением гетманов; Н. Ф. Демидова выстраивает стройную схему употребления таможенных печатей: 1) до середины XVII в. — период единичного существования таможенных печатей; 2) 2-я половина XVII в. — время массового изготовления печатей таможен, появление месячных печатей; 3) 1-я половина XVIII в. — время преобладания месячных печатей, а также усложнения изображений на печатях других типов, появление гербовых печатей.

Примечательно, что в основе создания классификации лежит комплексность изучаемого материала, а также анализ изображений и надписей на печатях, т. е. тот же прием, который использует В. Л. Янин при работе с буллами.

Естественно, что при наличии документа, к которому прикреплена печать, выводы корректируются сведениями, почерпнутыми из него. Н. Ф. Демидова приводит такой пример: «Для

¹⁸ Хорошкевич А. Л. Печати полоцких грамот..., с. 129; Демидова Н. Ф. Русские таможенные печати..., с. 173.

¹⁹ Демидова Н. Ф. Русские таможенные печати..., с. 194.

большинства таможенных выписей их даты точно соответствуют указанию месяца на печати. Однако бывают и исключения».²⁰

Хотелось бы отметить, что такие моменты в исследовании печатей, на которые акцентируется внимание при дипломатической критике, подтверждающие подлинность документа, как место и способ прикрепления, материал и т. д., отступают на второй план. Подобный аспект определяется, на наш взгляд, самими задачами сфрагистического исследования, при котором изучаются не отдельные печати, а целая группа, и где цвет материала, способ прикрепления, форма печати — уже известный момент.

Действительно, «технико-хронологическая» классификация полоцких печатей А. Л. Хорошкевич способствует лишь определению типа документа, тогда как разделение печатей «по принадлежности», имеющее в основе изображение и надпись, и изучение в этом направлении позволяют исследовательнице сделать ряд интересных наблюдений по истории Полоцка.

Отступает на второй план анализ материала и способа прикрепления таможенных печатей, ибо здесь есть фактическая однородность: «Материалом для оттисков таможенных печатей XVII в., а также и для значительной части XVIII в. является окрашенный в черный цвет воск, вернее восковая мастика. Восковые оттиски были значительной толщины и прикреплялись к документам при помощи бумажной полоски, пропускавшейся через два параллельных отверстия в бумаге, на которой была написана выписка».²¹

Несоблюдение специфических приемов сфрагистического исследования, выработанных к настоящему времени, может привести, как уже указывалось, «к упрощенным выводам и неизбежным логическим искажениям». Примером может служить состояние вопроса о русских государственных печатях. Русские «государевы» печати еще в начале века входили в круг интересов Н. П. Лихачева. К сожалению, они не стали специальным предметом его исследования. Ряд интересных наблюдений над государственными печатями встречается в упомянутой уже работе «Дело о приезде в Москву Антония Поссевина». В примечании к издаваемым документам Н. П. Лихачев не стремился «дать целостное изложение вопроса о „государевых“ печатях»,²² но попытался наметить основные направления подобного исследования: поднимал вопрос об определении понятия «государственная печать», пытался выделить основные типы государственных печатей и определял их хронологию, приводил свидетельства, указывающие на употребление тех или иных печатей. Однако государственные печати брались им не в комплексе, а примени-

²⁰ Там же.

²¹ Там же, с. 189.

²² Лихачев Н. П. Дело о приезде в Москву Антония Поссевина, с. 126.

тельно ко времени документов, исследуемых в данной работе, т. е. к XVI в.

В дальнейшем эта тема также интересовала Н. П. Лихачева. Особенно его внимание привлекали изображения на русской государственной печати. Он считал необходимым при изучении геральдических эмблем русские государственные печати сопоставлять с аналогичными западноевропейскими: «Обратим ли мы внимание на русскую государственную печать, необходимо ее сопоставление с польской и шведской, а этих последних с печатью Священной Римской империи и с западноевропейскими печатями вообще».²³

Очень занимал Н. П. Лихачева вопрос о двуглавом орле на русских государственных печатях. Он сомневался в существовавшей среди русских историков версии о заимствовании Иваном III государственной печати с двуглавым орлом из Византии: «Если будет доказано положение, что Византия (так же как и Римская империя) не знала государственной печати и на печатях императоров не помещала геральдического двуглавого орла, станет очевидно, что Московское правительство не могло заимствовать непосредственно из Византии того, чего та не имела».²⁴

Исследования Н. П. Лихачева показали, что печать византийских императоров не была личной, но «ее все-таки нельзя признать государственной печатью в том смысле, как мы понимаем это в настоящее время. На ней не было никакой отличительной государственной эмблемы. Это была как никак печать монарха, а не византийской монархии при том или другом императоре».²⁵ Выводы Н. П. Лихачева подтвердились более поздними исследованиями византийской дипломатики и сфрагистики.

Наблюдения относительно происхождения русской государственной печати, к которым пришел Н. П. Лихачев, дошли до нас, к сожалению, только в тезисном изложении.²⁶ Материалы личного фонда Н. П. Лихачева, хранящиеся в ЛО Архива АН СССР (№ 246), свидетельствуют, что эта тема интересовала ученого и в последующие годы.

В дальнейшем советские ученые не подвергали русские государственные печати специальному исследованию, между тем вопрос о начальном моменте возникновения русской государственной печати, появлении на ней определенных геральдических эмблем, в частности эмблемы двуглавого орла, до сих пор является проблематичным и привлекает внимание как советских, так и зарубежных историков. Понятна причина этого интереса:

²³ Лихачев Н. П. Древнейшая сфрагистика. Из лекций по дипломатике, читанных в имп. Археологическом институте за 1904/05 уч. г. СПб., 1906, с. 4.

²⁴ Лихачев Н. П. Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. М., 1911, с. 1.

²⁵ Там же, с. 43.

²⁶ Лихачев Н. П. История образования российской государственной печати.

решение вопроса о времени появления государственной печати, помещенных на ней эмблемах и титуле откроет новые страницы в изучении русской политической истории.

В настоящее время существует несколько версий, по-разному трактующих момент возникновения и помещения двуглавого орла на печати Ивана III: 1) возникновение русской государственной печати вследствие женитьбы Ивана III на Софье Палеолог, таким образом, заимствование ее печати из Византии вместе с гербом — двуглавым орлом;²⁷ 2) результат знакомства Ивана III с элементами оформления императорской власти, в частности благодаря его контактам с домом Габсбургов;²⁸ 3) повторение опыта южнославянских государств, где наблюдалась византийская традиция оформления государственной власти.²⁹

Вероятно, требуется детальное монографическое исследование русской государственной печати, которое бы включало в себя и сопоставление западноевропейского, византийского, русского сфрагистического материала, и данные письменных источников, критический разбор ранее существующих теорий, но прежде всего составление систематического каталога, включающего все имеющиеся оттиски государственных печатей. Только такое исследование позволит выбрать из всех существующих построений наиболее достоверное, а возможно, установить какой-то новый факт.

Позволю себе поделиться рядом наблюдений, сделанных лишь в начальный момент изучения русских государственных печатей. Попытаемся рассмотреть печать Ивана III в двух аспектах: ее иконографии и с точки зрения возникновения данного типа печати (общегосударственная — по идее, вислая двусторонняя — по форме).

Вопрос о двуглавом орле начал занимать исследователей еще в XIX в.,³⁰ оживленно дискутировался в начале XX в.,³¹ казалось бы, досконально разработан в трудах А. В. Соловьева,³² но к нему все-таки постоянно возвращаются историки.³³

²⁷ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен, кн. I, ч. II. М., 1769, с. 550; Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974, с. 122; Ostrogorski G. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1952, S. 454; Schaefer H. Moskau das dritte Rom. Darmstadt, 1957, S. 5.

²⁸ Alef G. The adoption of the muscovite two-headed eagle: a discordant view. — Speculum, 1966, v. 41, № 1, p. 21.

²⁹ Хорошкевич А. Л. Русско-славянские связи конца XV—начала XVI в. и их роль в становлении национального самосознания России. — В кн.: VII Международный съезд славистов, Варшава, 1973, с. 418—420.

³⁰ Römer-Büchner B. I. Der deutsche Adler nach Siegeln geschichtlich erläutert. Fr. a. M., 1858, S. 41; Köhne B. V. Ueber den Doppeladler. — Berliner Blätter für Münz-, Siegel- u. Wappenkunde, 1871, VI.

³¹ См.: Soloviev A. Les emblèmes héraldiques de Byzance et les Slaves. — Seminarium Kondakovianum, Praha, 1935, VII, S. 120—122.

³² Там же.

³³ Schwarzenberg K. Adler und Drache. Der Weltherrschaftsgedanke. Wien—München, 1958; Hemmerdinger B. Deux notes d'héraldi-

Наиболее полную картину существования и использования изображения двуглавого орла разворачивает перед нами А. В. Соловьев. Коротко его выводы можно свести к следующему: двуглавый орел имеет восточное происхождение (встречается на цилиндрических печатях Халдеи, барельефах Каппадокии); к концу XI в. он превращается в восточный орнамент, употребляемый преимущественно на тканях, и с этого времени становится известным в Византии; при последних Комнинах двуглавый орел — знак императорского двора, одежды из ткани с изображением двуглавого орла носят первые сановники императорского двора, но двуглавый орел не является гербом Византии, так как Византия в то время не знала гербов; через Византию эмблема двуглавого орла попала в Сербию, Болгарию, Румынию, Албанию (иногда эта эмблема превращалась в герб, например в Албании, Черногории), в Галицко-Волынское княжество, в Германию, Нидерланды, Савойю; при Палеологах к 1327 г. складывается настоящий византийский герб — крест, образованный четырьмя буквами В.

А. В. Соловьев убежден, что эмблема двуглавого орла распространяется с XIII в. в Европе. Действительно, в это время она появляется на монетах Палермо, Нидерландов, Савойи, в XIV в. — на монетах Бертрана III Красивого во Франции, на монетах болгарского царя Михаила Шишмана, на монетах архимандритов Кёльна, Майнца, Трира,³⁴ на печатях города Фридберга,³⁵ на секретных печатях Вацлава IV (1378—1419),³⁶ чешского короля.

Существующее в литературе объяснение символики этой эмблемы: знак одновременности правления двух императоров,³⁷ знак претензий на императорский трон,³⁸ знак притязания на два государства,³⁹ наконец, объявление орла, а вместе с тем и двуглавого орла символом, олицетворяющим идею всемирной империи,⁴⁰ — не противоречит факту широкой популярности эмблемы двуглавого орла во многих странах Европы, а не только в Византии. Где-то двуглавый орел приходит на смену одноглавому —

ques. — *Byzantinische Zeitschrift*, 1958, B. 61. N. 2; MacLagon M. *Le blason en Byzance*. — *Actes du X Congrès Internat. d'Etudes Byzantines*, 1957; Alef G. *The adoption of the muscovite...*

³⁴ Soloviev A. *Les emblèmes héraldiques...*, p. 137—153.

³⁵ Römer-Büchner B. I. *Der deutsche Adler...*, S. 48; Posse O. *Die Siegel der deutschen Kaiser u. Könige*, Bd. V. Dresden, 1913, S. 159.

³⁶ Posse O. *Die Siegel...*, S. 160.

³⁷ Б. Хаммердингер считает, что в Византии эмблема двуглавого орла возникла в 1325 г., когда правили совместно Андроник II и Андроник III. Однако не все последующие Палеологи использовали ее. На септедигоне Михаила II Палеолога (1391—1425) изображен двуглавый орел (Hemmerdinger B. *Deux notes d'héraldiques*, p. 309).

³⁸ Такое объяснение существует относительно появления двуглавого орла на печати Вацлава IV: Posse O. *Die Siegel...*, p. 16; Römer-Büchner B. I. *Der deutsche Adler...*, S. 60.

³⁹ Römer-Büchner B. I. *Der deutsche Adler...*, S. 59.

⁴⁰ Schwarzenberg K. *Adler und Drache*.

«римскому орлу», иногда обе эмблемы сосуществуют, например на печатях Фридриха III изображался и одноглавый,⁴¹ и двуглавый⁴² орел. Одноглавый орел как гербовая фигура существовал в Священной Римской империи, несмотря на то что в 1434 г. двуглавый орел принимается в качестве герба немецким императором Сигизмундом.

Таким образом, во второй половине XV в. двуглавый орел только что утверждается в качестве герба и постоянной эмблемы на печатях императоров Священной Римской империи.

На фоне широкого бытования в Европе эмблемы двуглавого орла появление его на печати русского государя, установившего дипломатические отношения с рядом западноевропейских стран, не представляется каким-то исключительным фактом.⁴³ Однако, как правильно, по нашему мнению, подчеркивает Г. Эйлиф, двуглавый орел вряд ли бы стал эмблемой на печати Ивана III, если бы последний не знал, что подобная эмблема «идентифицирует высокое положение западных императоров». В трактовке Г. Эйлифа, который решительно отвергает мысль о простом копировании Иваном III западноевропейской печати, изображение на печати русского государя эмблемы двуглавого орла свидетельствует о желании «Москвы выразить равенство с западными странами, особенно с императорским домом Габсбургов».⁴⁴ Убедительность подобной трактовки подтверждается, нам кажется, фактами, свидетельствующими о том значении, какое придавал Иван III вопросам престижа Русского государства в глазах иностранцев,⁴⁵ а также деятельностью преемников Ивана III, которые в своей внешней политике всегда стремились противопоставить себя западноевропейским монархам.⁴⁶

Сюжет оборотной стороны печати Ивана III — всадник, поражающий копьём дракона, — не является настолько популярным, как предыдущий. Большое внимание уделил ему лишь А. А. Ураносов.⁴⁷ Критикуя Н. П. Лихачева, который, дескать, происхождение русских печатей рассматривал в плане заимствования из Ви-

⁴¹ Römer-Büchner B. I. Der deutsche Adler..., S. 60; Seyler G. A. Geschichte der Siegel. Leipzig, 1894, S. 6; Posse O. Die Siegel..., B. II, Taf. 23, № 1—2.

⁴² Posse O. Die Siegel..., B. II. Taf. 25, № 1—2.

⁴³ «Нечто подобное двуглавному существу, с первого взгляда похожему на орла», встречается на русских монетах XIV в.; двуглавый орел — на тверских монетах XV в. (Орешников А. В. Древнейшее русское изображение двуглавого орла. — Труды Московск. нумизмат. об-ва, 1899, т. II, вып. 1, с. 12—14).

⁴⁴ Alef G. The adoption of the muscovite..., p. 12.

⁴⁵ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. I. СПб., 1851, с. 11, 12, 17—18; Хорошкевич А. Л. Об одном из эпизодов династической борьбы в России в конце XV в. — История СССР, 1974, № 5.

⁴⁶ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 140.

⁴⁷ Ураносов А. А. Русские областные и городские печати и гербы. Автореф. канд. дисс. М., 1953, с. 4.

зантии и Западной Европы, А. А. Ураносов между тем не предпринял ни одной попытки проанализировать сфрагистический материал и сопоставить эмблему всадника, поражающего дракона, с аналогичными эмблемами на русских и западноевропейских печатях.

Не вдаваясь в разбор толкований данного символа, отметим, что употребление его на печати Ивана III не случайно. Как известно, на Руси до Ивана III употреблялись личные княжеские печати. Для последних с начала XV в. типично употребление светского сюжета вместо прежнего патронального изображения, свойственного византийским печатям. В качестве изображения на печатях московских князей в XV в. утверждается вооруженный всадник.⁴⁸

Тенденция изображения всадника на русских княжеских печатях наблюдается с XIII в.; символизированный портрет самого князя, изображаемый в виде всадника на некоторых вариантах великокняжеской печати Александра Невского, сокольник — на печатях князя Андрея Александровича — это факты, свидетельствующие о «стремлении заменить чисто духовные сюжеты иными сюжетами, не лишенными символики светской власти».⁴⁹

Изображение вооруженного всадника типично, особенно с XIV в., и для княжеских печатей Западной Европы.⁵⁰ В Восточной Европе оно имеет место в это же время. Вооруженного всадника можно встретить на печатях и монетах литовских князей,⁵¹ на польских печатях.⁵² Нередко вооруженный всадник встречается на оборотной стороне больших королевских печатей.⁵³

Таким образом, изображение вооруженного всадника на печати Ивана III продолжает традицию предшествующих ей печатей русских князей, прежде всего московских великих князей; в то же время изображение вооруженного всадника, характерное

⁴⁸ На печатях Василия Дмитриевича 1390 г., 1401—1402 гг. — всадник, вооруженный копьем (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. М.—Л., 1950 (далее — ДДГ), № 13, 16, 43, 45); на печатях 1417, 1423 гг. — всадник, замахнувшийся мечом (ДДГ, № 21—22); на печатях Василия Васильевича — скачущий всадник, вооруженный копьем (ДДГ, № 24); на печатях Ивана Васильевича — всадник, поражающий копьем змея (Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел, ч. I. М., 1813, 129).

⁴⁹ Янин В. Л. Актовые печати..., т. II, с. 23.

⁵⁰ Ewald W. Siegelkunde, p. 203; Trésor de Numismatique et de Glyptique, t. 12. — Sceaux des grands feudataires de la couronne de France. Paris, 1836.

⁵¹ Piekosiński F. Heraldyka polska wieków średnich. Kraków, 1899, p. 389; Semkowicz M. Sfragistyka Witolda. — Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne (Kraków), 1931, XIII; Vossberg F. Siegel des Mittelalters von Polen. Lithauen, Schlesien, Pommern u. Preussen. Berlin, 1854, Taf. 22.

⁵² Gumowski M., Haisig M., Mikucki S. Sfragistyka. Warszawa, 1960, p. 187—208.

⁵³ Ewald W. Siegelkunde, p. 196; Trésor de Numismatique et de Glyptique, t. 11, tabl. IX, № 1.

для княжеских печатей Западной и Восточной Европы этого периода, делает ее типичной в общеевропейском масштабе.

Сама идея единой государственной печати по происхождению не византийская. В Византии существовали личные императорские печати, скреплявшие личную подпись императора.

Кроме императорских (обычно золотых), существовали печати деспотов — серебряные,⁵⁴ себастократоров и т. д. Государственным императорским документам обычно сопутствуют печати — золотые буллы, которые привешивались к документам как международного, так и внутригосударственного характера⁵⁵ — хрисовулам. Иконография их достаточно хорошо изучена,⁵⁶ она не имеет ничего общего с печатью, созданной Иваном III.

Восковые печати также употреблялись в делопроизводстве Византии. Восковыми печатями, обеспечивающими сохранность и секретность, скреплялись государственные документы — простагмы.⁵⁷ Существовали ли в данном случае двусторонние печати, если существовали, то с каким изображением? Этот вопрос недостаточно выяснен.

Употребление красновосковых печатей относится к последним годам существования Византийской империи и рассматривается как подражание Западной Европе.⁵⁸

Никто из авторов, изучавших документы Византии, печати, привешенные или приложенные к этим документам, не сообщает об императорских печатях с изображением двуглавого орла, тем более о красновосковых двусторонних печатях, идентичных русской государственной печати Ивана III.

Печать Ивана III по сравнению с прежними княжескими печатями, существовавшими на Руси, а также по сравнению с византийскими печатями императоров является новой прежде всего по смыслу и по идее. Если говорить о типе, то тип двусторонней печати (металлические печати), как уже отмечалось, был характерен для русских князей.

Подобные печати в Западной Европе носили название *Münzsiegel* = *Doppelsiegel*. В литературе им дается следующее определение: печать (восковая) круглая, у которой лицевая и оборотные стороны оттиснуты одинаковыми по размерам штемпелями.⁵⁹

⁵⁴ Dölger F. *Byzantinische Diplomatie*. München, Ettal, 1956, S. 86.

⁵⁵ Dölger F., *Karayanopoulos I. Byzantinische Urkundenlehre*. Erster Abschnitt. Die Kaiserurkunden. München, 1968, S. 40—42; Яковенко П. А. Исследования в области византийских грамот. Грамоты Нового монастыря на о-ве Хиосе. Юрьев, 1917, с. 65.

⁵⁶ Dölger F., *Karayanopoulos I. Byzantinische Urkundenlehre*, S. 42—43; Dworschak F. *Byzantinische Goldbullen*. — *Byzantinische Zeitschrift*, 1936, 36, S. 36—45.

⁵⁷ Яковенко П. А. *Исследования...*, с. 65, 107, 113; Dölger F. *Byzantinische Diplomatie*, S. 47; Dölger F., *Karayanopoulos I. Byzantinische Urkundenlehre*, S. 44—45.

⁵⁸ Dölger F., *Karayanopoulos I. Byzantinische Urkundenlehre*, S. 45; Dworschak F. *Byzantinische Goldbullen*, S. 45.

⁵⁹ Ewald W. *Siegelkunde*, S. 162; Posse O. *Die Siegel...*, B. V, S. 145.

Эти печати с двусторонним изображением (выдвигается версия, по которой возникновение двусторонней печати обусловливается предохранительной мерой против подделки) появились в X—XI вв. в Италии, а затем с середины XI в. известны в Англии и других европейских государствах, в XIII в. — в Польше.⁶⁰

Иван III, создав свою государственную печать, традиционную по типу (вислая, двусторонняя), с традиционным изображением вооруженного всадника (не исключено, что поверженный змей символизирует победу Ивана III над врагами) благодаря новой форме титула, помещению эмблемы двуглавого орла, наконец, оттиску на воске приравнял ее тем самым к печатям западноевропейским. Эмблемы, символизирующие Русское государство, в силу их распространенности в Европе и известной специфики использования служили прекрасной «рекламой» новому государству, отражая идею равенства его с другими европейскими государствами и выражая политические устремления московского правительства в общеевропейском масштабе.

Дальнейший процесс развития русской государственной печати будет тесно переплетаться с историей развития центрального аппарата власти, с вопросами возникновения и функционирования государственных учреждений. Эти проблемы в полной мере еще не разрешены, и монографическое исследование русских государственных печатей способствовало бы их изучению.

В настоящее время есть довольно смутное представление о том, какие печати существовали для утверждения документов различных категорий, издававшихся от царского имени, в отдельные периоды существования Русского государства. Приведу некоторые примеры. А. Лакиер пишет: «Государственная печать разделялась на следующие виды: 1) большая и малая, по величине изображения и объему государева титула, 2) печать воротная, односторонняя, малая, с Московским гербом посередине двуглавого орла, с ушком, приделанным для ношения на шее, 3) печать кормленая, или кормчая, по свидетельству Титулярника, изображения „человек на коне с копьем колет змея, около подпись царского величества имянованье“. Значение этого вида государственной печати непонятно и не объяснено».⁶¹

Очень неопределенны названия печатей, помещенных в сборнике «Снимки древних русских печатей». Круглая красновосковая вислая двусторонняя печать с изображением всадника, побеждающего змея, с одной стороны и двуглавого орла — с другой является, по мнению составителей сборника, «печатью государственной малой». В то же время «печатью государственной малой» названа «воротная орловская» печать, изображающая двуглавого орла с всадником на груди. Такие печати оттискивались

⁶⁰ Ewald W. Siegelkunde, S. 163; Seyler G. A. Geschichte der Siegel, S. 152.

⁶¹ Лакиер А. Русская геральдика. СПб., 1855, с. 218.

обычно на черном воске.⁶² «Печать государственная средняя» 1606 г. царя Василия Ивановича Шуйского называется в 1618 г. «печатью государственной большой», хотя изображение и титул идентичны первой, кроме имени царя;⁶³ «печать государственная большая» 1654 г. царя Алексея Михайловича в другом месте фигурирует как «печать государственная малая царя Алексея Михайловича Малороссийского приказа»⁶⁴, и т. д.

О многочисленных сравнениях «больших», «малых», «средних» печатей различных государей читаем в работе «Русские печати»: малая печать Федора (Ивановича, — *Н. С.*) напоминает большую печать Ивана IV; двойная кормчая печать Федора похожа на печать 1539 г. Ивана IV; средняя печать Бориса Годунова по типу напоминает малую печать царя Федора от 1585 г., и т. д.⁶⁵

Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов считают, что в Русском государстве XVI—XVII вв. употреблялись две государственные печати — большая и малая. На большой государственной печати изображение всадника находилось в центре двуглавого орла. По краям печати шла надпись, которая включала в себя полный царский титул. Малая государственная печать иногда называлась кормленной. На одной стороне малой печати был изображен всадник, поражающий змия, на другой — двуглавый орел. Надпись содержала имя князя, впоследствии царя, и его краткий титул.

Помимо большой и малой государственных печатей, существовала так называемая воротная печать. На печати изображался всадник, поражающий змия, иногда двуглавый орел с изображением всадника на груди, иногда орел без всадника.⁶⁶

А. А. Ураносов добавляет «еще один тип государственной печати — так называемую малороссийскую печать».⁶⁷

Этот перечень высказываний свидетельствует не только о различии мнений по поводу названий государственных печатей, но показывает недостаточно ясное представление о функциях печатей, прикладывавшихся от имени царя.

При современном состоянии проблемы невозможно ответить на ряд вопросов, связанных с государственными печатями: что такое вообще государственная печать в понятийном плане (атрибут власти, показатель суверенитета, «удостоверение личности» правителя и т. д.); ее место среди других печатей соответствующего времени; причины и точная дата ее появления в определенный исторический момент, ее связь с политическим и общественным устройством, с развитием административных процессов

⁶² Снимки... , с. 38—39.

⁶³ Там же, с. 37, 41, 48.

⁶⁴ Там же, с. 50, 51, 55.

⁶⁵ Коробков Н., Иванов Б. Русские печати. — Архивное дело, 1939, 3/51, с. 39.

⁶⁶ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика... , с. 128—130.

⁶⁷ Ураносов А. А. Русские областные и городские печати... .

в государстве, с правовыми нормами общества, с отдельными стадиями развития культуры общества; ее сфера действия (постоянная или изменяющаяся), всегда ли печати использовались в тех целях, в каких создавались; употребление несоответствующей печати; число и функции различных печатей одного государя; наследование печати, смена и переделка государственной печати предшествующего государя; независимая от документа роль печати как знака суверенитета государства; специфика русских государственных печатей, сходство (или отличие) и аналогии печатям соседних государств и т. д.

Ответы на эти вопросы показали бы, что государственные печати служат прекрасным дополнительным историческим источником при решении проблем: а) внешней политики и суверенитета Русского государства, б) эволюции государственной власти, в) формирования централизованного управления и канцелярии. Думается, что положительный результат может быть достигнут только в случае правильного методического подхода к изучаемым печатям, который должен состоять в следующем: выделение в самостоятельную группу всего комплекса государственных печатей; составление их систематического научного каталога; классификация печатей по хронологическому (или функциональному) признаку, в основе которой лежит анализ геральдической эмблемы и изучение легенды (титула); выявление сохранившихся матриц печатей или их описаний.⁶⁸ Матрицы должны быть изучены и как отдельный предмет (число матриц печати одного государя; материал, из которого они сделаны, матрица — как произведение художественного ремесла, установление авторов — резчиков матриц и т. д.), и в сравнении с их оттисками (иногда на восковом оттиске трудно заметить переделку печати, существование двух или более составных частей печатной матрицы, из которых одна может оставаться неизменной при смене государя, а другая, например круг с легендой, — заменяться или изменяться); изучение оттисков восковых печатей должно быть неразрывно связано с документом, скрепленным ими. Документ, к которому приложена, привешена та или иная печать, должен рассматриваться не только в смысловом аспекте, но исследователь должен обращать внимание и на формуляр: всегда ли конечная формула

⁶⁸ Редко музейное или архивное собрание оттисков печатей дополняется коллекцией матриц. В средние века на Западе, например, существовал обычай после смерти государя уничтожать матрицы его государственных печатей. Пока не совсем ясно, существовал ли подобный обычай в Русском государстве. Во всяком случае несомненно, что коллекция государственных печатей (матриц), хранящаяся в Отделе нумизматики Государственного Исторического музея, принадлежит к числу уникальных. Коллекция насчитывает 39 матриц русских государственных печатей, начиная с Федора Алексеевича и кончая Временным правительством. Описание матриц печатей предшествующего периода (с начала XVII в.) есть в архивных документах (ЦГАДА, ф. 136, Дела о государственных печатях).

документа соответствует имеющейся печати, соответствует ли легенда печати подлинному титулу государя в данный момент и титулу, указанному в начале документа, и т. д.

На данном этапе все сказанное об изучении государственных печатей является только «программой действий». Исследование русских государственных печатей, как и конкретные исследования других групп печатей — восковых оттисков, сделает бесспорным восприятие сфрагистики как дисциплины, способной оказать существенную помощь исторической науке, главным образом по проблемам политической истории, истории государственных учреждений.

Л. Е. ШЕПЕЛЕВ

ПРИДВОРНЫЕ ЧИНЫ И ЗВАНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В СВЯЗИ С ИХ ЗНАЧЕНИЕМ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В процессе многих исследований по истории России XVIII—начала XX в. историк сталкивается с тем, что упоминаемые в источниках лица (в том числе автор или адресат документа) имеют разного рода придворные чины и звания. Очень часто это обстоятельство бывает важно для понимания темы исследования, особенно же при атрибуции исторических источников: для выяснения личности автора или адресата по упоминаемому чину или званию, для установления примерной даты документа по времени существования упоминаемого чина (звания) и пожалования его данному лицу. Но во всех случаях, конечно, историк должен разбираться в соответствующих терминах и понимать, что за ними скрывается, и — это особенно важно — уметь отличить норму от исключения. Для историка необходимо быть осведомленным о том, какое значение имел тот или иной придворный чин или звание, какие права и обязанности были с ними связаны, кому они могли быть даны, в какое время они существовали.¹ Наведение справок по существующей литературе часто оказывается затруднительным по ряду причин.

Сводного «положения» о придворных чинах и званиях не существовало. Частные же законодательные акты хоть и многочисленны, но не охватывают целиком жизненной практики. Употребление придворных чинов и званий нередко вовсе не регламентировалось законом и определялось лишь административными

¹ Конечно, все эти рассуждения относятся и к гражданским, и к военным чинам и званиям, хотя их система несколько проще, а связанные с ними права и обязанности определеннее и яснее.